

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 2 (113). С. 33–44.
Cherovovets State University Bulletin, 2023, no. 2 (113), pp. 33–44.

Научная статья
УДК 81.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-2-113-3>

Идиожанр Иосифа Бродского («большие стихотворения»)

Ольга Владимировна Богданова^{1✉}, Татьяна Николаевна Баранова²

^{1,2}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

^{1✉}olgabogdanova03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²bysinka27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0516-2773>

Аннотация. В статье впервые системно рассматриваются жанровые признаки так называемых «больших стихотворений» И. Бродского, особого автожанра, смоделированного поэтом и разрабатываемого им на протяжении всего творчества. На основе теоретических разработок классиков отечественного литературоведения осуществлена попытка дефинировать «большие стихотворения» и определить их квалификационные черты. К базовой жанровой триаде М. Бахтина (тема, композиция, стиль) добавлен признак нарративных стратегий текста и установлено, что среди конститутивных признаков «больших стихотворений» оказываются философичность тематического поля, композиционная неустойчивость и ритмико-строфическая подвижность, надсюжетная фабульность и тенденция к повествовательности, опосредованные я-персонажной системой, комбинированными формами перволичной наррации.

Ключевые слова: И. Бродский, «большие стихотворения», жанр, инвариант и вариации, претекст и интертекст

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Для цитирования: Богданова О. В., Баранова Т. Н. Идиожанр Иосифа Бродского («большие стихотворения») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 2 (113). С. 33–44. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-2-113-3>.

Joseph Brodsky's idiogenre ("big poems")

Olga V. Bogdanova^{1✉}, Tatiana N. Baranova²

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia,

^{1✉}olgabogdanova03@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>

²bysinka27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0516-2773>

Abstract. For the first time, the article systematically examines the genre features of the so-called "big poems" by J. Brodsky, a special autogenre modeled by the poet and developed by him throughout his work. Based on the classics' theoretical developments of Russian literary studies, an attempt

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2023

has been made to define “big poems” and determine their qualification features. To the basic genre triad of M. Bakhtin (theme, composition, style) the authors added a narrative strategy feature; it was found that among the constitutive features of “big poems” are the philosophical nature of the thematic field, compositional instability and rhythmic-strophic mobility, overfabulous plot and the tendency to narrativity, mediated by the I-character system, combined forms of primary narrative.

Keywords: J. Brodsky, “big poems”, genre, invariant and variations, pretext and intertext

Acknowledgments. The reported study was funded by the Russian Science Foundation No. 22-28-01671, <https://rscf.ru/project/22-28-01671/>; Russian Christian Humanitarian Academy F. M. Dostoevsky.

For citation: Bogdanova O. V., Baranova T. N. Joseph Brodsky’s idiogenre (“big poems”). *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 2 (113), pp. 33–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-2-113-3>.

Введение

Как известно, жанровая дифференциация – одна из основных категорий поэтики, рассмотрение проблемы жанра является отправной точкой анализа художественного текста, это «категория, обладающая огромной силой обобщения»¹. Квалифицировать жанр означает во многом прогнозировать общую структуру художественного произведения, идентифицировать его базовые принципы, предопределить приемы и стратегии тематической, композиционной и стилевой организации. По словам В. М. Жирмунского, именно жанры опосредуют «исторически сложившиеся типы художественных произведений»².

По мнению ученых, жанр является категорией исторической, т. е. изменчивой, с течением времени его отдельные дифференциальные признаки могут быть нивелированы или к ним могут быть присовокуплены новые. По словам Б. В. Томашевского, «никакой логической и твердой классификации жанров произвести нельзя. Их разграничение всегда исторично, т. е. справедливо только для определенного исторического момента...»³

По мысли Ю. Н. Тынянова, «представить себе жанр статической системой невозможно уже потому, что самое-то сознание жанра возникает в результате столкновения с традиционным жанром (т. е. ощущения смены – хотя бы частичной – традиционного жанра “новым”, заступающим его место). Все дело здесь в том, что новое явление сменяет старое, занимает его место и, не являясь “развитием” старого, является в то же время его заместителем»⁴.

Как показывает практика, развитие русской литературы XX века прочно связано с новыми тенденциями, проявившимися в области жанрового образования. Казалось бы, насколько решительно и радикально могут видоизмениться черты романа, повести, рассказа или поэмы, баллады, сонета? Названы те жанровые формы, которые прошли через века и продолжают активно развиваться сегодня. Между тем о многочисленных жанровых вариациях романа или поэмы можно много говорить как в ли-

¹ Николина Н. А. Филологический анализ текста. Москва: Академия, 2007. С. 7.

² Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет, 1996. С. 384.

³ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Москва: Аспект пресс, 2003. С. 162.

⁴ Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / предисловие В. Каверина. Москва: Наука, 1977. С. 227–252.

тературе начала XX столетия (символисты, акмеисты, футуристы и др.), так и применительно к тенденциям второй половины столетия (московские концептуалисты, ленинградские «Горожане» и др.). Одним из выдающихся представителей, с которыми современные исследователи связывают неординарные жанровые поиски, является Иосиф Бродский (1940–1996), поэт с мировым именем, нобелевский лауреат (1987).

Что касается необычных жанровых форм, к которым не только прибегал, но и создателем которых стал Бродский, то в первую очередь среди них следует выделить так называемые «большие стихотворения», жанр, который активно разрабатывался в поэтическом творчестве Бродского, но не получил развития в поэзии последователей, остался исключительно «бродским». По этой причине «большие стихотворения» можно определить не просто как авторский жанр, но и как идиожанр (индивидуальный жанр), отличающийся особой системой формальных и семантических характеристик, присущих только поэтике Бродского.

Основная часть

1. Хронологические границы возникновения термина «большие стихотворения»

По утверждению Я. Гордина, друга и тонкого исследователя творчества Бродского, временем, когда в поэзии последнего появились «большие стихотворения», стало начало 1960-х: «...в начале шестидесятых <...> для Иосифа было время появления “больших стихотворений”, особого жанра, который и до конца остался для него главным»¹. Толчком к появлению «особого жанра», по Я. Гордину, стало знакомство Бродского со стихами Евг. Баратынского: «Я помню, как Иосиф говорил, что именно Баратынский и поставил перед ним вопрос – поэт он или не поэт...»²

Следует положиться на суждения авторитетного бродсковеда. Однако к литературным праистокам необходимо добавить ещё одно обстоятельство – внелитературное, биографическое. Речь о том, что в 1960 году двадцатилетнему Бродскому, тяжело страдавшему от физических сердечных болей, поставили страшный диагноз – «порок сердца». В. Полухина под 1960-м годом констатирует: «Обнаружен порок сердца»³. Именно с этого времени Бродский стал остро реагировать на смерть друзей, знакомых и незнакомых людей. Именно тогда смертельная проблематика стала прочно встраиваться в поэтическую ткань его стихов⁴.

Итак, предварительно можно определить, что событийная цепочка истоков «больших стихотворений» в поэзии Бродского – это известие о пороке сердца (1960) → знакомство со стихами Евг. Баратынского (1960) → первые опыты «длинных» («больших») стихотворений (1960). Между тем наблюдения, выполненные амери-

¹ Цит. по: Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / предисловие В. Каверина. Москва: Наука, 1977. С. 45.

² Там же. С. 43.

³ Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. Санкт-Петербург: Звезда, 2008. С. 44.

⁴ См. подробнее: Богданова О. В., Баранова Т. Н. Мортальные мотивы стихотворения И. Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Вып. 16. № 2. С. 353–359.

канским стиховедом Б. Шерром, который предпринял обзор поэтической строфики Бродского, кажется, говорят об ином. Так, Б. Шерр вычленил 5 периодов: 1) до 1963 г. – начальный период, для которого характерно небольшое количество экспериментов, только половина стихотворений строфические, из которых 63% написаны катренами; 2) с 1963 по 1971 гг. – резко возрастает процент строфических стихотворений (до 70%), когда регулярно-строфические стихи составляют около половины написанного, процент катренов снижается до чуть более трети, появляются длинные строфы; 3) с 1972 по 1978 гг. – процент катренов снижается до менее четверти, становится значительно меньше разнострофических и квазистрофических стихотворений; 4) с 1980 по 1987 гг. – преобладает нестрофический стих и «свободный» дольник; 5) с 1988 по 1996 гг. – строфические формы становятся часты, при этом нередко возникают нерифмованные и нестрофические стихи¹.

Для рассуждений о природе и истоках возникновения жанра «больших стихотворений» важными оказываются следующие положения Б. Шерра. Во-первых, начальное пограничное деление связано не с 1960-м (как предложено нами), но с 1963 годом. Во-вторых, после 1963 года, по подсчетам Б. Шерра, для Бродского характерно появление «длинной строфы», т. е. конститутивной черты «большого стихотворения». Однако, что касается 1960 года, который, по нашим предположениям, послужил толчком к рождению жанра «большого стихотворения», то реального противоречия с наблюдениями Б. Шерра нет. Год 1960-й стал рубежным, исходным для рождения «больших стихотворений», хотя на первом этапе (согласно Б. Шерру) «длинные» стихи еще не доминировали, количество экспериментов на этом темпоральном отрезке «небольшое». Что же касается 1963 года, то важность его для Бродского находит подтверждение не только статистическое (подсчеты Б. Шерра), но и сущностное. Дело в том, что в 1963 году были написаны самые значительные «большие стихотворения» Бродского и среди них «Большая элегия Джону Донну» (1963).

На наш взгляд, именно «Большая элегия Джону Донну» породила неканонический термин «*большие* стихотворения», т. е. Бродский (а вслед за ним и Я. Гордин) не выдумал неординарное жанровое определение, но воспроизвел его по модели английского метафориста Дж. Донна, транспонировав донновское *большое послание* в *большую элегию* и последнюю – в *большое стихотворение*. Отметим, что смысл «переноса», осуществленного Бродским, не только копияный, но и сущностный. О мировоззрении Дж. Донна в одном из интервью Бродский говорил: «...читая Донна или переводя, учишься *взгляду на вещи...*» (выд. нами. – О. Б., Т. Б.)². То есть в начале 1960-х Бродский, активно экспериментировавший, казалось, в области формы, на самом деле глубоко погружался в процессы постижения сути поэзии, в возможность при ее посредстве разрешить проблемы жизни и смерти, «жизни в виду смерти». Миросозерцательная установка поэта-метафизика, особенности донновского мировосприятия, медитативность английских «больших» элегий и посланий пора-

¹ Шерр Б. Строфика Бродского // Поэтика Бродского: сборник статей / под редакцией Л. Лосева. Tenaflu, New York: Эрмитаж, 1986. С. 108.

² Бродский И. Книга интервью / составитель В. Полухина. Москва: Захаров, 2007. С. 163.

зили Бродского и подтолкнули к генерации нового жанрового образования – «больших стихотворений». На этом основании ранее предложенный вектор вызревания жанра «больших стихотворений» можно дополнить: известие о пороке сердца (1960) → знакомство со стихами Евг. Баратынского (1960) → «Большая элегия Джону Донну» (1963) → «большие стихотворения».

2. Квалификационные характеристики «больших стихотворений»

Важно разобраться, каковы же дифференцирующие признаки «больших стихотворений» Бродского, их формальные и содержательные характеристики. Полагаясь на работы специалистов-теоретиков, обратимся к научному тезису М. Бахтина, который считал, что для характеристики жанровой конституции художественного произведения необходимы и достаточны следующие квалификационные признаки: 1) «тематическое содержание», 2) «стиль», 3) «композиционное построение»¹. Так, жанровый канон сонета, самого устойчивого жанра лирической поэзии, в плане «тематического содержания» характеризуется любовной тематикой, на уровне «стиля» – возвышенно поэтическим языком, его «композиционное построение» устойчиво: «первый катрен – декларация темы, второй – ее патетическое развитие, первый терцет – новая мысль, противоположная первой, второй терцет – примирение двух тем, их синтез; особая смысловая нагрузка приходится на финальный стих – сонетный замок»². Что касается дефиниции «большое стихотворение», приложимой к поэзии Бродского, то, как уже было сказано, она не имеет аналогов у других поэтов, она уникальна. Однако опыт анализа «больших стихотворений», предпринимаемый исследователями, предлагает некий свод наблюдений, касающихся жанровых аспектов, и позволяет сформулировать ряд конститутивных признаков «большого стихотворения».

Прежде всего при дифференциации «больших стихотворений» Бродского следует обратиться к сборнику «Холмы» (1991), который был подготовлен Я. Гординым и содержит жанровую маркировку текстов, вошедших в книгу – ее подзаголовков гласит: «Холмы. Большие стихотворения и поэмы»³. То есть в «Холмы» вошла наиболее полная и репрезентативная подборка «больших стихотворений» – 49 произведений Бродского, из которых два – «Гость» и «Зофья» – сопровождаются жанровым уточнением «поэма». В предисловии к сборнику Я. Гордин специально оговаривает, что некоторые стихотворения «большого жанра» не вошли в сборник *по желанию автора*, что позволяет заключить, что состав сборника «больших стихотворений» и их репрезентативная подача в целом были согласованы с Бродским и возражений по поводу дефиниции 47 произведений как «больших» у поэта не было. Объем стихотворных строк в произведениях, включенных в сборник «Холмы», – от 48 строк («Ты поскачешь во мраке...», 1962) до 1398 строк («Горбунов и Горчаков», 1965–

¹ Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература, 1986. С. 428.

² См.: Поэтика. Словарь актуальных литературных терминов и понятий / главный научный редактор Н. Д. Тмарченко. Москва: Издательство Кулагинной; Intrada, 2008. С. 241.

³ Бродский И. Холмы: Большие стихотворения и поэмы / составитель Я. Гордин. Санкт-Петербург: Киноцентр, 1991. 358 с.

1968), что позволяет именно этот (условный) объем – от 48 строк – считать минимальным.

Как уже было сказано, появление жанра «больших стихотворений» у Бродского было связано прежде всего с осмыслением проблем жизни и смерти (проблем метафизических и реальных). Потому *тематической доминантой* («тематическое содержание», по М. Бахтину) жанра «больших стихотворений» оказывается философия – размышления о смысле бытия, о проблемах жизни-сна, смерти-сна и т. п. Эти и смежные с ними мотивы пронизывают конститутивно значимую для Бродского «Большую элегию Джону Донну», в которой он не ученически апеллирует к Джону Донну, как полагают некоторые исследователи¹, но создает собственный метафизический мир, в рамках которого контурируются онтологии его субъективного поэтического мировидения. Таково, например, представление о «хоровой выси», которая, вопреки христианской традиции, столь далека и высока, что:

откуда этот мир – лишь сотня башен
да ленты рек, и где, при взгляде вниз,
сей страшный суд почти совсем не страшен.
И климат там недвижим, в той стране.
Откуда всё, как сон больной в истоме.
Господь оттуда – только свет в окне
туманной ночью в самом дальнем доме (I, с. 234)².

Горний мир у Бродского в «Большой элегии Джону Донну» предстает не небесным «светлым Раем» (I, с. 234), не заоблачными сферами обитания Бога, но таковым, когда он не только «выше нас», простых и смертных, но выше Господа. В той «стране» у Бродского «климат неподвижен», там не скудеют «ленты рек», там даже «страшный суд совсем не страшен...» (I, с. 234).

Проблемы жизни и смерти эксплицируются практически во всех «больших стихотворениях» Бродского. Даже тема любви (не менее значимая для Бродского, чем тема смерти, по эмоциональной напряженности равновеликая ей) разрешается в «больших стихотворениях» с неизменным трагическим оттенком, в спектре философских размышлений о готовности приятия или отвержения земного существования (например, «Новые стансы к Августе», 1964, где ясно звучит мотив готовности к самоубийству).

Применительно к *сюжетно-композиционной* организации «больших стихотворений» («композиционное построение», по М. Бахтину) можно говорить о двух структурных векторах поэзии Бродского. С одной стороны, бродсковеды давно отметили,

¹ См.: Нестеров А. Джон Донн и формирование поэтики Бродского: за пределами «Большой элегии» // Иосиф Бродский и мир: метафизика, античность, современность / составитель Я. А. Гордин. Санкт-Петербург: Звезда, 2000. С. 151–171; Снегирев И. А. Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского: «Большая элегия Джону Донну» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 233–238; и др.

² Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998–2001 [с указанием тома и страниц в скобках].

что композиционные формы «длинных стихотворений» Бродского классичны и традиционны: поэт эксплуатирует канонически выверенные *вязьку, кульминацию, развязьку*. А. Азаренков пишет об этом: «Стихотворение начинается с “экспозиции”, призванной ввести читателя в систему образов и проблематику стихотворения и подготовить “эвфонический взрыв” (“повышение тона”, следующее за набором стихотворением “критической массы”) <...>; затем следует “чистый лиризм, не связанный тематическим развитием”»¹. С другой стороны, углубляясь в контуры композиционной организации, Я. Гордин выделяет в «больших стихотворениях» сюжет *внутренний и внешний*, под последним понимая выстраивание, например, балладного типа повествования, некой фабульной линии, с чередой позиционных событий, сменяющих друг друга. В «больших стихотворениях» Бродского, по Я. Гордину, внешнего сюжета нет, но явно очерчивается сюжет внутренний, ментальный, медитативный, когда событийный ряд вытесняется «развитием мысли»². Так, «большое стихотворение» «Исаак и Авраам» (1962–1963), входящее в состав сборника «Холмы», многими исследователями квалифицируется как поэма. Однако сам поэт в интервью С. Волкову пояснял: «<...> это на самом деле не поэм[а], а длинные стихи...»³ И комментировал: «Повествовательная поэзия дает представление о масштабе вещей. Она гораздо ближе к жизни, чем короткое лирическое стихотворение. <...> Надо привыкнуть читать сюжетную поэзию, пусть это и не прекрасный маленький шедевр, который можно прочесть быстро и легко. Чтение поэзии – это борьба, как и все в жизни»⁴.

Заметим, Бродский обратил внимание на «повествовательность» «большого стихотворения» «Исаак и Авраам», по существу – на (около)сюжетность. Между тем «внешний» – библейский – сюжет о путешествии Авраама по пустыне во имя исполнения обета, о принесении в жертву сына Исаака у Бродского вытесняется сюжетом «внутренним», прочитанным не всеми исследователями, когда современный молодой герой-поэт в ночной час, погруженный в чтение Ветхого завета, осмысляет идею абсолютной веры, готовности осуществления сыновнего жертвоприношения и жестокости подобного испытания. И осмысляет поэт эти проблемы не на историческом материале (книга Бытия, Быт. 22: 1–19), но обращаясь к опыту собственной жизни, отношений в семье и роли отца. Потому в финале «большого стихотворения» «Исаак и Авраам» возникает я-персонализированный образ лирического субъекта-поэта, среди ночи при свече исписывающего чистые листы бумаги («Горит свеча, и виден край листа»; I, с. 265), который позволяет выйти на образ alter ego автора и связать воедино пласты прошлого и настоящего, условно – истории Исаака и Иосифа. Другими словами, в «большом стихотворении» «Исаак и Авраам» сюжетный план наррации организует не *действие персонажное* (мистическое шествие библей-

¹ Азаренков А. А. «Красноречие» как конструктивный принцип поэтики «больших стихотворений» Иосифа Бродского // Вестник Удмуртского университета. 2015. Серия: Филология и история. Т. 25. Вып. 6. С. 79–80.

² Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. Москва: Независимая газета, 2000. С. 160.

³ Там же. С. 35, 36.

⁴ Бродский И. Книга интервью / составитель В. Полухина. Москва: Захаров, 2011. С. 23.

ских героев), но мысль лирического субъекта, подвергающего *рефлексии* «исторические» обстоятельства и события.

В 1980-е годы, объясняя специфику «больших стихотворений», Бродский назвал стихи такого рода «повествовательной поэзией». И, следовательно, среди конститутивных признаков «большого стихотворения» можно означить своеобразную эпичность, напрямую связанную с воплощением *мысли*, «опредмечиванием» или «олицетворением» её, т. е. с тем, что у Бродского нередко осуществляется посредством реализации метафоры, разворачиванием внутреннего *метафорического* сюжета. Образцом такого рода внутренней центробежной метафорики может быть стихотворение Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» (1964), о котором некоторые исследователи говорят, что оно требует «дешифровки»¹. Однако, если найти верный ракурс восприятия, точку отсчета, из которой исходит лирический герой Бродского, воспринять текст стихотворения оказывается легко. Лирический персонаж (*alter ego* автора), пребывающий в атмосфере деревенского быта и жизни, среди простых сельских жителей (фактически норенских соседей и знакомых сосланного Бродского) «в избытке» слышит слова, которыми те сопровождают каждое свое действие или намерение. Это устойчивый фразеологический оборот «С Богом!», который, как понимает герой стихотворения, оказывается у крестьян не «формулой речи», но душевным наказом, исполненным веры, доброты и смысла. В деревенском миру стихотворения Бродского действительно «Бог живет не по углам», не на иконах в красном углу избы, но «всюду». Какую бы работу ни затевали деревенские жители (ремонт кровли, сколачивание изгороди, покос, выданье дочери замуж или др.), они непременно перекрестятся и произнесут: «С Богом!». Куда бы ни отправлялся деревенский житель, по каким бы делам ни уходил в лес, в поля, в дальние страны – его везде сопровождает пожелание-наказ «С Богом!». В Норенской Бродский, несомненно, многократно слышал это повсеместно звучащее деревенское напутствие и сердцем осознал, что в деревне Бог действительно живет не «по углам», но в душе доброжелательного и сердечного русского крестьянина. Реализованная метафора, пронизывающая весь текст, позволяет понять (не дешифровать) «темные места» стихотворения Бродского, актуализируя механизм реализации «внутреннего» сюжета «большого стихотворения».

По наблюдениям стиховедов, принцип «повествовательности» в «больших стихотворениях» Бродского достигается благодаря особенностям формирования строк и строф, например, с помощью знаменитых *enjambement*-ов, когда цельная фраза не ограничивается пределами строки, но переносится на другую строку (или даже строфу), порождая несовпадение интонационно-синтаксического периода со строгим метрическим шагом. Как становится понятно при чтении стиха, именно такая ритмо-рифмическая графика характерна для «большого стихотворения», когда мысли-строки оказываются чрезмерно «длинными» и перетекают из строки в строку, из одной строфы в другую. Так, исследователи уже обращали внимание, что в «длинном стихотворении» «Осенний крик ястреба» (1975) мысль-предложение может форми-

¹ См., напр.: Савченко Т. Т., Бозкоровая К. В. Текст и контекст стихотворения И. Бродского «В деревне Бог живет не по углам...» // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 4 (68). С. 126–130.

ровать целую строфу, порой перетекая в начало следующей. Сюжетная линия полета ястреба не прорисована Бродским координатно, но она намечает тот «длинный» или «большой» внутренний повествовательный сюжет, о котором говорил Я. Гордин. Медитативные синтагмы поэтической мысли не «умещаются» в пределы стихотворной строки, постепенно разрастаясь до объема строфы:

Из согнутого, как крюк,
клюва
вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический <...> (Ш, с. 105).

Нерегулярность строки порождает ощущение тревоги, катастрофы, трагической обреченности лирического героя-ястреба. Эпическая прозаизация привносит в текст настроение обреченности. Безграничье авторской мысли раздвигает пределы строфической графики, ее привычного ритма и условленной четкости. Стилевая доминанта традиционного стиха аннигилируется, трансформируется, приближаясь к «свободному» около-стиховому выражению прозаического высказывания, становясь квалификационным маркером («стиля», по М. Бахтину) «большого стихотворения».

Наконец, перспективным представляется обратить внимание на нарративные особенности «большого стихотворения», в частности – на характер *повествовательного субъекта* рассматриваемого жанра. Приведенные выше примеры позволяют акцентировать перволичную форму нарратива (*я-повествователя*), которая (который) перерастает рамки лирического героя, участника событий. Речь о том, что в «больших стихотворениях» только кажется, что образы лирического героя и лирического повествователя разведены и не совпадают. Например, Дж. Донн в «Большой элегии Джону Донну», кажется, не может быть совмещен с образом лирического повествователя (*alter ego* автора). В «Исааке и Аврааме» лирические герои, вероятно, зафиксированы на уровне титула, лирический же субъект находится вне их хронотопа. Между тем в каждом из названных «больших стихотворений» происходит (не)видимое совмещение сущностей лирического повествователя и персонажей нарратива. В «Большой элегии Джону Донну» Джон Донн в итоге оказывается субъектом, которого в действительности в «большой элегии» *нет*, он лишь антропоморфная идеологема, замещающая собой образ реально существовавшего средневекового поэта. В «Исааке и Аврааме» библейские персонажи Исаак и Авраам остаются действующими лицами сюжета Ветхого завета (книги Бытия), но не перерастают уровня *мысли* лирического героя. Лирический субъект думает о них, размышляет над их поступками, но по существу Исаак и Авраам остаются фоновыми персонажами, не самостоятельными – мыслетворными.

Выводы

Таким образом, даже самый поверхностный анализ квалификационных черт

«больших стихотворений» позволяет актуализировать ряд признаков, которые работают в разных «больших» текстах Бродского, эксплицируя точки соприкосновения, обнаруживая видимые переключки и взаиморазвитие. Среди них философичность тематического ракурса, композиционная неустойчивость и ритмико-строфическая подвижность, надсюжетная фабульность и прозаизирующая повествовательность, опосредованные я-персонажной системой, контаминированным вектором перволичной наррации. Можно предположить, что подобные черты-квалификаты могут быть выявлены и в поэзии других художников слова, однако, как правило, там они презентуют себя на уровне спорадическом и случайном – не системном. Только совокупная система всех названных институтирующих признаков дает представление о специфике жанра «больших стихотворений», сгенерированных Бродским. «Большие стихотворения» остались *автожанром* Бродского, не найдя своих продолжателей и демонстрируя уникальность поэтического слова (и мысли) поэта. Однако статус *идиожанра* (индивидуального жанра) не ослабляет интереса к жанровой особенности «больших стихотворений» Бродского, принуждая исследователей пристальнее вглядываться в черты самобытности нового жанрового образования и его соответствия (конгениальности) высокой мыслеёмкой риторике выдающегося поэта.

Список источников

- Азаренков А. А. «Красноречие» как конструктивный принцип поэтики «больших стихотворений» Иосифа Бродского // Вестник Удмуртского университета. 2015. Серия: История и филология. Т. 25. Вып. 6. С. 78–82.
- Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. Москва: Художественная литература, 1986. 541 с.
- Богданова О. В., Баранова Т. Н. Мортальные мотивы стихотворения И. Бродского «Бессмертия у смерти не прошу...» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Вып. 16. № 2. С. 353–359.
- Бродский И. Книга интервью / составитель В. Полухина. Москва: Захаров, 2011. 783 с.
- Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского: в 7 т. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998–2001.
- Бродский И. Холмы: Большие стихотворения и поэмы / составитель Я. Гордин. Санкт-Петербург: Киноцентр, 1991. 358 с.
- Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. Москва: Независимая газета, 2000. 325 с.
- Гордин Я. А. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского. Москва: Время, 2010. 255 с.
- Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1996. 438 с.
- Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. Москва: Молодая гвардия, 2008. 447 с.
- Нестеров А. Джон Донн и формирование поэтики Бродского: за пределами «Большой элегии» // Иосиф Бродский и мир: метафизика, античность, современность / составитель Я. А. Гордин. Санкт-Петербург: Звезда, 2000. 368 с.
- Николина Н. А. Филологический анализ текста. Москва: Академия, 2007. 268 с.
- Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха. Санкт-Петербург: Звезда, 2008. 528 с.
- Поэтика. Словарь актуальных литературных терминов и понятий / главный научный редактор Н. Д. Тамарченко. Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
- Савченко Т. Т., Бозкорованая К. В. Текст и контекст стихотворения И. Бродского «В де-

ревне Бог живет не по углам...» // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 4 (68). С. 126–130.

Снегирев И. А. Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского: «Большая элегия Джону Донну» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 233–238.

Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. Москва: Аспект пресс, 2003. 332 с.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / предисловие В. Каверина. Москва: Наука, 1977. 574 с.

Шерп Б. Стрфика Бродского // Поэтика Бродского: сборник статей / под редакцией Л. Лосева. Tenaflu, New York: Эрмитаж, 1986. 254 с.

Polukhina V. Joseph Brodsky. A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 324 p.

References

Azarenkov A. A. «Krasnorechie» как konstruktivnyi printsip poetiki «bol'shikh stikhotvoreniĭ» Iosifa Brodskogo [“Eloquence” as a constructive principle of the poetics of Joseph Brodsky’s “big poems”]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriiia “Istoriia i filologĭia”* [Bulletin of Udmurt University. Series “History and Philology”], 2015,. Vol. 25, iss. 6, pp. 78–82.

Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986. 541 p.

Bogdanova O. V., Baranova T. N. Mortal'nye motivy stikhotvoreniia I. Brodskogo «Bessmertĭia u smerti ne proshu...» [The mortal motives of the poem “I do not ask for immortality from death...” by J. Brodsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, iss. 16, no. 2, pp. 353–359.

Brodskii I. *Kholmĭ: Bol'shie stikhotvoreniia i poemy* [Hills: big pieces of poetry and poems; compiled by Ia. Gordin]. St Petersburg: Kinotsentr, 1991. 358 p.

Brodskii I. *Knĭga interv'iu* [Interview Book; compiled by V. Polukhina]. Moscow: Zakharov, 2011. 783 p.

Brodskii I. *Sochineniia Iosifa Brodskogo: v 7 t.* [The writings of Joseph Brodsky: in 7 vols.]. St Petersburg: Pushkinskii fond, 1998–2001.

Volkov S. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moscow: Nezavisimaia gazeta, 2000. 325 p.

Gordin Ia. A. *Rysar' i smert', ili Zhizn' kak zamysel. O sud'be Iosifa Brodskogo* [Knight and death, or Life as a plan. About the fate of Joseph Brodsky]. Moscow: Vremia, 2010. 255 p.

Zhirmunskii V. M. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. St Petersburg: SPbGU, 1996. 438 p.

Losev L. *Iosif Brodskii. Opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky. Experience of literary biography]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2008. 447 p.

Nesterov A. Dzhon Donn i formirovanie poetiki Brodskogo: za predelami «Bol'shoi elegii» [John Donne and the formation of Brodsky’s poetics: beyond the “Great Elegy”]. *Iosif Brodskii i mir: metafizika, antichnost', sovremennost'* [Joseph Brodsky and the World: Metaphysics, Antiquity, Modernity; compiled by Ia. A. Gordin]. St Petersburg: Zvezda, 2000, pp. 151–171.

Nikolina N. A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow: Akademiia, 2007. 268 p.

Polukhina V. *Iosif Brodskii. Zhizn', trudy, epokha* [Joseph Brodsky. Life, works, epoch]. St Petersburg: Zvezda, 2008. 528 p.

Poetika. Slovar' aktual'nykh literaturnykh terminov i poniatii [Poetics. Dictionary of current literary terms and concepts; ed. by N. D. Tamarchenko]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. 358 p.

Savchenko T. T., Bozkorovanaia K. V. Tekst i kontekst stikhotvoreniia I. Brodskogo «V derevne

Bog zhivet ne po uglam...» [The text and context of J. Brodsky's poem «In the village God does not live in corners...»]. *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"* [Bulletin of Karaganda University. Series "Philology"], 2012, no. 4 (68), pp. 126–130.

Snegirev I. A. Formirovanie metafizicheskogo stilia v poezii I. Brodskogo: «Bol'shaia elegiia Dzhonu Donne» [Metaphysical style development in J. Brodsky's poetry "The Great Elegy for John Donne"]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2011, no. 1 (31), pp. 233–238.

Tomashhevskii B. V. *Teoriia literatury. Poetika* [Theory of literature. Poetics]. Moscow: Aspekt press, 2003. 332 p.

Tynianov Iu. N. *Poetika. Istorii literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Movies; preface by V. Kaverin]. Moscow: Nauka, 1977. 574 p.

Sherr B. Strofika Brodskogo [Stanza of Brodsky]. *Poetika Brodskogo* [The poetics of Brodsky; ed. by L. Losev]. Tenaflly, N. J.: Ermitazh, 1986. 254 p.

Polukhina V. *Joseph Brodsky. A Poet for Our Time*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 324 p.

Сведения об авторе

Ольга Владимировна Богданова – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>, olgabogdanova03@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, набережная реки Мойки, 119186 Санкт-Петербург, Россия); **Olga V. Bogdanova** – Doctor of Philological Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>, olgabogdanova03@mail.ru, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, naberezhnaia reki Moiki, 119186 St Petersburg, Russia).

Татьяна Николаевна Баранова – соискатель; <https://orcid.org/0000-0003-0516-2773>, bysinka27@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, набережная реки Мойки, 119186 Санкт-Петербург, Россия); **Tatiana N. Baranova** – Applicant for a degree; <https://orcid.org/0000-0003-0516-2773>, bysinka27@mail.ru, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, naberezhnaia reki Moiki, 119186 St Petersburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 13.02.2023; принята к публикации 19.02.2023.

The article was submitted 21.12.2022; Approved after reviewing 13.02.2023; Accepted for publication 19.02.2023.